

Татьяна Лестева

**«ДВЕНАДЦАТЬ».
ШЕСТЬ РАЗ**

Посмотрим, что сделает с этим время.

А. Блок. «Записка о “Двенадцати”»

3 марта 1918 года в газете «Знамя труда» в Петрограде была опубликована поэма Александра Блока «Двенадцать». Автору, скончавшемуся 7 августа 1921 года, вскоре после публикации поэмы, не удалось узнать о её судьбе во времени, не говоря уже о том, чтобы «посмотреть». А вот ленинградцам тысяча девятьсот шестьдесят четвёртого и петербуржцам две тысячи двадцать второго годов посчастливилось воочию увидеть блоковские «12» на сцене тогда Театра оперы и балета им. С.М. Кирова, а в наши дни — на второй сцене того же театра, которому в 1992 году было возвращено историческое название Мариинского театра. Балет «Двенадцать»! Мог ли об этом хотя бы подумать Александр Александрович Блок? Думаю, что вряд ли.

Но искусство не стоит на месте. Хрущёвская оттепель. По заказу Кировского театра в 1963-х году к «Двенадцати» А. Блока обращается балетмейстер Леонид Якобсон, привлёкший для написания музыки к балету талантливого студента Петербургской консерватории Бориса Ивановича Тищенко (1939–2010). Вот как вспоминал об этом сам композитор: «...совершенно неожиданно пришло предложение написать музыку к балету “Двенадцать” по поэме Александра Блока. Я был таким нахальным, что заявил: “Если будет Иисус Христос, я напишу музыку, а если нет — не возьмусь за эту работу”. “Будет Христос”, — уверил Якобсон. Христос у него, действительно, был. И как гениально поставленный! Самой фигуры Христа на сцене не было. Но и у Блока Христос за вьюгой невидим. Его вроде бы и нет. Человек талантом поменьше, чем Якобсон, вывел бы актёра, одел бы его в белое одеяние, нацепил бы венчик из роз и тем бы и ограничился. Якобсон этого не сделал. Просто прекращались разные

коллизии, катавасии, все эти убийства, кровь. И “Двенадцать” вдруг как будто замечали... где-то нечто значимое. И процессия медленно-медленно двигалась к какой-то точке наверху — где-то там, высоко, под куполом театра, за кулисами.... И происходило на мою очень тихую музыку, в ритме которой я зашифровал “Впереди Иисус Христос”. Я специально так сделал, чтобы стихотворная строка в музыке узнавалась. Потом, во время обсуждения и полемики, пошла резня по живому, уже готовому спектаклю: “Что вы хотите? Чтобы Иисус Христос взлетел над сценой театра оперы и балета имени С.М. Кирова?” Я говорю хореографу: “Мы же с вами договорились, что будет финал. А вам приказали и вы его отрезали! Значит, всё, давайте прощаться”. Яacobсон: “Боря, ну не торопитесь. Вы горячий молодой человек. Вы ничего не понимаете в жизни. Помните мой «Спартак»? Там в сцене с Эгиной три кровати. Комиссия из обкома сказала, что многовато. Я две убрал. А теперь пойдите, посмотрите — опять три”. Вот так, между Иисусом Христом и кроватями, проскользнула аналогия и что-то объяснила».

Премьера балета в Кировском театре состоялась 31 декабря 1964 года: композитор Борис Тищенко, автор либретто и балетмейстер Леонид Яacobсон, дирижёр-постановщик И.И. Блажков¹, сценография Энара Стенберга². Но эта постановка опередила своё время, балет прошёл три раза и надолго был снят. Строго говоря, Л.В. Яacobсон, сосредоточив своё внимание на образе вьюги, как символу революции, в значительной степени следовал замыслу Блока: «Впереди — с кровавым флагом, / И за вьюгой невидим, / И от пули невредим, / Нежной поступью надвьюжной, / Снежной россыпью жемчужной, / В белом венчике из роз — / Впереди — Иисус Христос», исключив только явление «невидимого» ветхозаветного Иисуса в венчике из белых роз (отнюдь не в терновом венце), но с красным — «кровавым» знаменем. Не помогло: балет «снят был четырежды. Против Иисуса восставало всё начальство. Финал несколько раз перекраивали: то “Двенадцать” скакали на двух ногах, то маршем уходили за кулисы, только бы не было Иисуса», — вспоминал Б.И. Тищенко. Кстати, в более позднем творчестве он неоднократно обращался к творчеству поэтов Серебряного века, создав на стихи Анны Ахматовой «Реквием» и Марины Цветаевой три песни.

¹ Блажков Игорь Иванович (род. в 1936 году) в 1963–1968 гг. работал дирижёром Ленинградской филармонии.

² Стенберг Энар Георгиевич (1929, Москва — 2002, там же) — советский, российский театральный художник. Народный художник Российской Федерации (1995).

59 лет забвения... Но под занавес XXX музыкального фестиваля «Звёзды белых ночей» при поддержке Министерства культуры РФ в Мариинском театре (музыкальный руководитель Валерий Гергиев) состоялся трёхкратный (14,15 и 16 июля) показ премьерного спектакля балета на музыку Б. Тищенко «Двенадцать». Прочитывая ещё раз приведённый эпиграф А. Блока, я пошла посмотреть, что же сделало «время» с его поэмой «Двенадцать». В 1964 году попасть на премьеру балета в Кировский театр было несбыточной мечтой. Другое время: вход на сайт театра — выбор места — оплата через интернет — электронный билет. Да, прогресс имеет свои положительные стороны, а не только загрязнение атмосферы и озоновые дыры над головой. Новый состав постановщиков. Я была на третьем спектакле, где танцевали артисты «первой премьеры». Петруха — Константин Зверев, Катька — прима-балерина Надежда Батоева, Ванька — Алексей Тимофеев. Состав исполнителей второго спектакля отличался от первого и третьего. Постановщики, естественно, были одними и теми же: хореограф-постановщик Александр Сергеев, художник-сценограф и художник по костюмам Леонид Алексеев, художник по свету Константин Бинкин, художник по видео Игорь Домашкевич и ассистент хореографа Екатерина Кондаурова — заслуженная артистка России.

Именно Александру Сергееву пришла идея вспомнить о балете «Двенадцать» Бориса Тищенко, с которой он обратился к великому, не побоюсь этого слова, Валерию Абисаловичу Гергиеву. И это неудивительно: родители Александра — солисты знаменитой труппы «Хореографические миниатюры» Леонида Якобсона, которому принадлежит честь открытия этого балета и его постановки на сцене Мариинского театра. И хотя в момент премьеры Александра ещё не было на свете, но родители делились с ним впечатлениями, как рассказал он сам Мариной Мельниковой: *«Год назад после разговора с отцом, который, кстати, участвовал в восстановлении спектакля³, мне захотелось переслушать эту музыку снова. И на этот раз произведение Тищенко меня зацепило: эта музыка просто поразила меня какой-то особенной энергетикой, психологизмом, глубиной и, как мне показалось, близостью к Александру Блоку. Тогда-то я и подумал о новом спектакле “Двенадцать”»*. Для дизайнера и театрального художника Леонида Алексеева участие в постановке балета было дебютом, с моей точки зрения, весьма и весьма удачным, яркие впечатления от сценографии и от костюмов.

³ В 1975 году «Двенадцать» в Театре балета имени Леонида Якобсона был восстановлен балет «Двенадцать», однако он также быстро сошёл со сцены.

Но звучит третий звонок, гаснет свет, зрители приветствуют оркестр, снова гаснет свет. На чёрном кубе сцены (виват кубизм!) лампочками выделены три фрагмента. Слева внизу пианист за роялем, выше в центре сначала у окна, потом медленно спускаясь по лестнице, Екатерина Сергеева — меццо-сопрано — исполняет три песни Бориса Тищенко на стихи Марины Цветаевой, ныне хорошо известные: «Вот опять окно», «Осыпались листья над вашей могилой» и «Хочу у зеркала, где муть». А слева «в квартире» на первом этаже танцует пара — Мария Ширинкина и Максим Зюзин, — воплощая в танце драматическое содержание печальных стихов об одиночестве, письме в пустоту и благословением в финале: «Благославляю вас на все/ Четыре стороны».

Благословение в прологе получено, куб вспыхивает алым, открывается дверь в зал со стороны бельэтажа, мимо меня по проходу отточенным балетным «державным» шагом шествует Екатерина Кондаурова. Строгая белой блузкой, чёрные брюки, широкое красное полотнище длиной несколько метров, перекинутое через плечо, падает вниз и ползёт за ней кровавой рекой. Символ революции. Мне показалось, что это было муаровое полотнище, при движении от рисунка ткани создавалось впечатление текущих ручейков крови. Екатерина Кондаурова — выпускница Академии русского балета им. А.Я. Вагановой, с 2001 года служит в Мариинском театре, с 2012 года — прима-балерина — на сей раз выступила в роли Чтицы. Она спускалась к сцене, читая «Двенадцать» Блока. Перед ней пятился, снимая её «революционный шаг», кинооператор, а на красном квадрате сцены (аллюзия на чёрный и красный квадраты Малевича?) отражался как бы в прямом эфире её лик, а отнюдь не образ Иисуса Христа «в белом венчике из роз».

Когда прозвучали последние строки поэмы и Чтица оказалась внутри стеклянного куба, она прекрасно исполнила свою балетную партию с резко отточенными па. Отмечу, что танец был безукоризненным, а вот чтение... Было в нём что-то «не блоковское», не удовлетворяющее меня, в манере исполнения, в тембре голоса. Не могу судить, как читала эту поэму Любовь Дмитриевна Менделеева-Блок... Но, с моей точки зрения, балет и художественное чтение — это две разные сущности. Во втором премьер-

ном спектакле Александр Сергеев выступил и в роли Чтеца. Захотелось посмотреть и его в этой роли, сравнить впечатления. Подожду следующего сезона, до конца этого «Двенадцати» в репертуаре не видно.

Действие продолжается. Александр Сергеев отошёл от либретто Якобсона, исключив из него индивидуальных персонажей, представителей старого мира — барыню, аристократку, генерала, лихача, поэта, шелудивого пса и др. Новое решение в новое «цифровое» время. Балет выдержан в строгой цветовой гамме: чёрный как олицетворение и разрушение старого мира, красный — революции и белый — снежной вьюги сменяют друг друга. Крушение старого мира, революционный патруль чеканит шаг вьюжной ночью, сцена в кабаке, смерть Катьки не от удара ножа, как в поэме Блока, а её удушение собственной косой. Раскаяние Петьки — одна из сильных лирических сцен балета: он, сначала негодующий из-за измены Катьки, потом опомнившись, рыдает над её трупом. Сцена «утешения его» братьями запоминается: они полукругом сидят вокруг него, их руки переплетаются, образуя ползущую змею! Три светящихся куба в глубине сцены распадаются на двенадцать «собратьев» меньшего размера, за ними чинно восседают полукругом, аллюзия на картину Леонардо да Винчи «Тайная вечеря», двенадцать революционных «апостолов». Они периодически то прячутся за кубами, то над кубами показываются их головы, поднимаются, как бы голосуя, обе руки. В пустующем центре у самого задника в таком же кубе лежит труп задушенной собственной косой Катьки. Появляется Чтица, на сей раз танцующая, высвобождает Катьку из светящегося гроба. Женский дуэт «воскрешения»... Опускается прозрачный аванзанавес, за которым видны чёрные силуэты уходящих вдаль двенадцати. А на красном занавесе будто всплывает в зал... нет, не «Исус Христос в венчике из белых роз», а лик Чтицы! Она безмолвствует — «вначале было слово».

Аплодисменты! Крики «браво», цветы исполнителям. Второе пришествие «Двенадцати» Тищенко-Блока состоялось. Хотелось бы надеяться, что постановку Александра Сергеева минует горькая участь детища Леонида Якобсона. Апокалипсиса не будет.